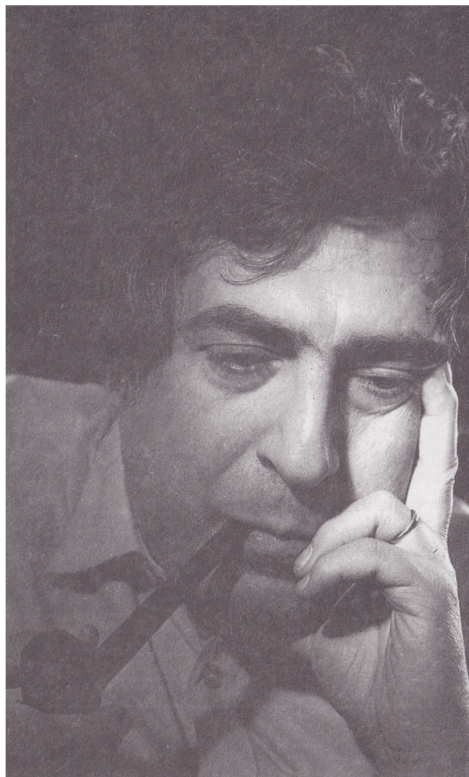


БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК



Анар

**Я, ты, он
и телефон**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АНАР

Я, ТЫ, ОН И ТЕЛЕФОН



Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Известный азербайджанский писатель Анар (Анар Расул-оглу Рзаев) — нынешний председатель Союза писателей Азербайджана — родился 14 марта 1938 г. в поэтической семье. Его отец Расул Рза и мать Нигяр Рафибейли были признанными в стране поэтами. В 1955 г. Анар с отличием окончил музыкальную школу имени Бюльбюля и в том же году поступил на филфак Азербайджанского государственного университета. Закончив учебу в АГУ в 1960 г., он поступил на Высшие сценарные курсы в Москве, которые окончил в 1964 г. Позже Анар окончил в Москве и Высшие режиссерские курсы.

Перу Анара принадлежит ряд произведений, затрагивающих в основном проблемы современности. Он автор таких интересных сочинений, как «Шестой этаж пятиэтажного дома», «Комната в отеле», «Юбилей Данте», «Я, ты, он и телефон» и другие повести и рассказы.

Анар не только писатель, но и известный общественный деятель. В 1991 г. он был избран председателем Союза писателей Азербайджана, а с 1995 по 2000 г. являлся действительным членом Милли Меджлиса (парламента) Азербайджанской Республики.

Уважаемые читатели!

Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

- © Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008
- © Терра—Книжный клуб, 2008

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ УХОДЯЩЕГО ГОДА

Рассказ

Наступил последний вечер уходящего года. Время близилось к девяти. Гамида-хала¹ хлопотала на кухне. Тофик поминутно бегал к телефону, а затем влетал в кухню, чтобы выпалить очередную новость.

— Мама, знаешь, Сейран тоже придет!

— Кто такой Сейран, милый?

— Ой, неужели ты не помнишь? Он же тебе нравился, ты еще сама сказала, что он очень аккуратный.

— А-а-а! Ну что же, прекрасно.

Тофик волнуется. Еще бы! Впервые за всю свою четырнадцатилетнюю жизнь он встречает Новый год в «компании». «Компания» — это его школьные друзья-восьмиклассники. Еще три месяца назад они начали договариваться о встрече Нового года.

— Давайте соберемся у нас, — предложил Тофик. — Кроме мамы, никого дома не будет, а она рано ложится спать.

— А старший брат и сестра?

— Они никогда не встречают Новый год дома.

Тофик открыл матери «секрет»: девочки тоже придут. Родители раз-решили.

— А еды хватит? — беспокоится Тофик.

— Хватит, хватит, дорогой, — успокаивает его Гамида-хала. — Пусть еще хоть десятеро гостей придут. Всех накормим.

Тофик вновь бежит к телефону, звонит то одному, то другому, с кем-то долго и горячо спорит. Потом звонят ему — и снова длится долгий разговор. Ему кажется, что собрать эту компанию — дело не-

¹ Хала — тетушка.

выполнимое. И в самом деле, один хочет прийти пораньше, другой — попозже, третий далеко живет, четвертый не знает адреса, пятый вообще раздумал приходить. Больше всего, разумеется, капризничают девочки.

— Вот видишь, мама, Франгиз не придет.

— Почему, сынок?

— Она, говорит, думала, что мы будем одни, а оказывается, говорит, твой брат и сестра дома, я стесняюсь.

— Что же делать, милый? — разводит руками Гамида-хала.

Тофик зло смотрит на дверь, ведущую в комнату, где почему-то сидят и не уходят Дилара и Рустам.

— Никогда не бывают дома, а сегодня, как назло, вдруг им захотелось встретить Новый год в семейной обстановке, — сетует Тофик, язвительно подчеркивая последние слова.

— Ну не выгонись же их, — пытается успокоить Тофика мать.

Но он, вконец расстроенный, выходит из кухни и снова хватается за телефонную трубку.

— Не виси на телефоне! — открыв дверь, кричит Дилара. — Может, кто-нибудь звонит нам!..

Странно, что Дилара дома в этот новогодний вечер. Такого с ней за последние годы еще не случалось. А Рустам? Тут уж совсем ничего не понять. Его под Новый год видели дома только при жизни отца...

Да, при Газанфаре шумно бывало у них в новогоднюю ночь, всегда собиралось много друзей. После его смерти семья несколько лет не отмечала новогоднего праздника. Гюляра и Рустам уходили к друзьям. А Гамида-хала с Диларой и Тофиком засветло укладывались спать. Потом стала уходить и Дилара. Теперь, видать, настал черед Тофика.

Но сейчас все дома. Нет, не все. Нет Газанфара. Он умер семь лет назад. Нет и Гюляры — она с мужем будет у свекра. Так никогда не бывает, чтобы все были вместе. Всегда кого-то нет.

Стенные часы бьют десять. Тофик, завершив «дипломатические» переговоры, вновь входит в кухню и почему-то смущенно переминается с ноги на ногу.

— Что, Тофик, все не можешь собрать гостей? — участливо спрашивает Гамида-хала.

— Да нет, но... — мнется Тофик и, с трудом переборов смущение, выдавливает: — Понимаешь, мам, Рауф говорит, приходите к нам. Его родители куда-то уходят... И мы будем одни. Совсем одни...

— Ну что же, милый, — произносит Гамида-хала и проводит теплой рукой по волосам сына. — Если вам так хочется, соберитесь у Рауфа. Что тут такого...

У Тофика заблестели глаза: мать не обиделась!

— Только что вы там будете есть?

— Что-нибудь найдется, — радостно отвечает Тофик. — Консервы или еще что-нибудь в этом роде...

— Какие там еще консервы! — сердится Гамида-хала. — Возьми немного плова.

— Нет, нет, мамуля, на что нам плов? Да если я явлюсь с казаном под мышкой, меня все засмеют.

Гамида-хала слабо улыбается.

— Ну ладно, иди!

И в самом деле, на что им плов? Они будут есть консервы и чувствовать себя свободными и независимыми... А здесь они ели бы вкусный плов, но чувствовали бы себя стесненно, скованно. Плов и консервы, прошлое и будущее, старость и молодость... Вот о чем думает Гамида-хала.

Тофик крепко целует мать и уходит.

Рустам спит в своей комнате. Так он, во всяком случае, заявил: «Я ложусь спать, не будите меня». Гамида-хала прекрасно знает причину этого «сна». Уже целую неделю Рустам в ссоре со своей невестой, и они принципиально не звонят друг другу.

Дилара себе места найти не может. Она слоняется из угла в угол, перелистывая старые журналы, включает телевизор и то и дело поглядывает на телефон. А телефон молчит.

Гамида-хала продолжает стряпать.

Раздается звонок. Гамида-хала открывает двери. В переднюю входят Гюляра и ее муж Сулейман с Вагифом на руках.

— Милости просим, — радушно встречает их Гамида-хала. — Проходите в комнаты, я сейчас.

«Что бы им прийти на десять минут раньше. Как было бы хорошо! — думает она. — Вся семья была бы в сборе. Даже если бы Тофик и ушел потом...»

Гамида-хала моет руки и спешит к гостям

— Какими судьбами?

— Пришли поздравить тебя с Новым годом, — отвечает Гюляра.

Снова звонок. В комнату, запыхавшись, влетает подруга Дилары Лейла.

— Ой, знаешь, Дилара, уф, не могу!..

— Да ты отдышись, дочка, — успокаивает ее Гамида-хала. — Что-нибудь случилось?

— Да ничего особенного, — переводя дыхание, отвечает Лейла. — Просто я бежала всю дорогу... Директор сказал: «Во что бы то ни стало найдите Дилару. Какой может быть без нее концерт!»

В глазах Дилары на миг вспыхивает радость, но она тут же напускает на себя безразличие.

— Нет уж, извините! Теперь им Дилара понадобилась. Могли меня заранее включить в программу. А сейчас... Подвел, наверное, кто-нибудь...

— Нет, нет, честное слово! — горячо убеждает Лейла — Директор даже не подозревал, что тебя нет в программе. А когда узнал, знаешь как рассердился!..

Только сейчас Гамида-хала догадалась, почему Дилара дома.

— Одевайся, да побыстрее, — строго говорит она дочери. — Не время капризничать. Раз зовут — иди.

Дилара мотает головой — ни за что. Но Гамида-хала знает свою дочь. И действительно, через несколько минут девушки, нашумев, убегают.

Гамида-хала извиняется — ей надо на кухню. Гюляра следует за ней.

— Знаешь, мамочка, мы приглашены к друзьям Сулеймана. Но вот Вагиф... Пусть он побудет у тебя?

— Конечно, дочка, пусть останется...

Гюляра быстро укладывает Вагифа.

— Ну, мамочка, нам пора. Откровенно говоря, мне эта компания не по душе, я бы с удовольствием осталась с тобой, да боюсь — обидятся. Ну, дай я тебя поцелую. Как говорится, с наступающим!..

— Будьте счастливы, Гамида-хала, — прощается Сулейман.

— Спасибо, родной! Всего доброго, всего хорошего...

Хлопает дверь. Гамида-хала возвращается на кухню и, повторяя «всего доброго, всего хорошего», продолжает готовить плов на пятнадцать человек. Вдруг вспоминает: Рустам! Она идет в комнату сына.

— Рустам, ай Рустам!

— Да?

— Вставай, нельзя столько спать, а то весь год проспийшь!

— Ах мама, оставь, пожалуйста!

— Слушай, я с кем говорю? Вставай сейчас же! У меня к тебе дело. Иди-ка сюда!

— Ну что там еще?

— Иди и помоги мне.

Рустам нехотя поднимается с кровати, Гамида-хала берет его за руку и тянет в переднюю

— Возьми трубку и звони!

— Куда звонить?

— Сам знаешь!

— Не буду!

— Нет, позвонишь! Никто из моих детей и ты сам никогда еще не перечил мне. И если ты сегодня не сделаешь того, о чем я прошу, на всю жизнь обижусь.

— Мама, но ведь...

— Звони! И все!

— Но...

— Если не хочешь обидеть меня.

Рустам мнется.

— Ну?

— Вот только ради тебя...

Гамида-хала уходит в комнату, где уже сладко посапывает маленький Вагиф. До нее доносится жужжание вращающегося телефонного диска и негромкий голос Рустама.

— Да... здравствуй...

Несколько секунд холодного молчания и безразличное:

— Как видишь, да...

Снова молчание, а потом голос, полный иронии:

— В самом деле?..

«Наверное, она сказала ему что-нибудь не так», — думает Гамида-хала.

— И я тоже. Можешь быть уверена на все сто процентов, — произносит Рустам тоном, способным заморозить уши его собеседницы.

«И зачем они так, — сокрушается Гамида-хала. — Ведь любят же друг друга».

И вдруг Рустам переходит на шепот. Гамида-хала не разбирает слов, но чувствует: в голосе Рустама уже нет ни холода, ни иронии. Потом сын начинает говорить громко. Вот сейчас — это ее Рустам: ласковый, чуткий. Он чему-то смеется, и вновь наступает молчание. Но уже не то ледяное, а теплое и живое.

Звек, спокойный, безмятежный зевек, и вопрос:

— А что мне у вас делать?

«Она его зовет к себе», — догадывается Гамида-хала.

— Нет, знаешь, я сказал маме, что буду сегодня дома.

Гамиде-хала хочется встать и сказать ему: «Иди!» Но она не поднимается с места.

— Не знаю, право. А кто у вас будет?

«Ну вот, можно и не вставать, он пойдет...»

— Нет, знаешь, мне что-то не хочется. Если бы вы были одни... Честное слово, я не капризничаю. Но я их не люблю.

«Нет, не пойдет...»

— Так вот, поздравляю тебя с наступающим годом. Желаю много, много...

«Не пойдет... Определенно не пойдет!»

— Ты очень хочешь, чтобы я пришел?

«Кажется, пойдет».

— Нет, давай завтра утром...

«Нет, не пойдет...»

— Ну хорошо, хорошо. Не начинай все сначала. Может быть, приду

«Пойдет».

— Как, который час? Двадцать минут двенадцатого? Есть, иду!

Рустам вешает трубку и вбегает к матери.

— Мам, знаешь...

Между Рустамом и Тофиком семь лет разницы. Но смущаются они одинаково. Это от Газанфара. У того, когда он смущался или нервничал, тоже начинал дрожать мизинец.

— Иди, милый, иди. Передай ей от меня большой, большой привет!

Рустам быстро одевается, спрашивает:

— А куда девалась наша мелюзга?

— Дилара пошла в школу, будет петь в концерте, а Тофик у товарища.

У них собралась компания...

— Тофик с компанией? Дожили!

— А что ж Тофик уже взрослый парень.

— Так ты совсем одна?

— Ну почему же одна. Вот Вагиф у нас.

Рустам улыбается.

— Хороший у тебя кавалер, ничего не скажешь. — И уже серьезно: — Нет, если бы я знал, что ты останешься одна...

— Почему же одна? Мы будем вдвоем с ней. Побеседуем...

— С кем? — удивленно спрашивает Рустам.

— Да вот с той девушкой, что в телевизоре, — отвечает Гамиде-хала. Рустам смеется. — А кроме того, — продолжает она, — ты же знаешь, что я рано ложусь... Посижу немного и лягу спать. Когда вернешься, звони сильнее, а то не проснусь.

Рустам, конечно, не помнит: когда был жив Газанфар, в новогоднюю ночь в доме веселились до утра.

Прощавшись с матерью, Рустам уходит.

Стол накрыт на двенадцать человек. Сейчас он выглядит странно в безлюдной комнате. Но еще удивительнее, что Гамида-хала накладывает в огромное блюдо плов и ставит его на стол, приговаривая вполголоса:

— Вы сядете сюда, Рагим и Назифа пусть сядут на том конце, а ты, уста², вот здесь... Теймур, пройди сюда к жене, а вы, дети, чуточку потеснитесь... Султан — вот твое место, ведь ты будешь тамадой...

Гамида-хала беззвучно смеется. «Кажется, я немного тронулась».

Она выходит на балкон. Тихо, пусто. «Неужели хоть кто-нибудь сейчас бродит по улицам?» Едва успела Гамида-хала подумать об этом, как заметила двух прохожих. Они вышли из магазина — в руках покупки. Ежась от холода, громко смеясь и переговариваясь, они спешат куда-то. Гамида-хала возвращается в комнату. Включает телевизор. На экране — девушка-диктор.

Гамида-хала придвигает стул поближе к телевизору и садится.

— Давай побеседуем, доченька. Тебе, наверное, надоели эти передачи, ведь правда? Все празднуют, а ты здесь!..

«Одним из серьезных культурных достижений в уходящем году была постановка балета молодого композитора Юсифова», — говорит девушка на экране телевизора.

«Молодой композитор Юсифов...» «Этот молодой композитор, — думает Гамида-хала, — веселится в кругу своих друзей и даже не слушает тебя. Сейчас вряд ли кто смотрит передачу». И вновь обращается к девушке:

— Иди ты, доченька, домой. А о достижениях нашей культуры расскажешь завтра. Они за ночь никуда не убегут, эти достижения.

«Многие выдающиеся произведения живописи созданы также и нашими художниками», — продолжает диктор.

— Сейчас без двадцати двенадцать. Возьми машину, дочка, и как раз успеешь. Ведь тебя ждут... Тебя есть кому ждать. Ты молодая и красивая. Наверно, у тебя жених. Ему сейчас тоскливо одному. Разве не так, милая...

«...Работа Фазилова, посвященная пастухам, очень оригинальна и естественна...»

— Ну и пусть естественна. А ты, доченька, спешу. Как жених обрадуется! Он поцелует твои волосы. Они у тебя красивые. Пусть весь Баку сейчас смотрит на тебя, но тебе ведь хочется быть только с ним, разве не так?

² Уста — мастер.

«В числе новых кинофильмов...»

— Понимаю, доченька. Работа! Нельзя так просто оставить все и уйти. Но ведь обидно в такой вечер...

«А кто же еще одиночек в этот вечер? — спросила она себя и вспомнила: — Телефонистка в справочном бюро!»

Гамида-хала подошла к телефону и набрала 09. Послышались частые и тонкие гудки. Занято. Набрала еще раз. Женский голос ответил:

— Справочная!

— Здравствуй, дочка.

— Какой номер?

— Я говорю, здравствуйте. Поздравляю вас с Новым годом.

— Спасибо!

— Вы одна, вам скучно, наверно?

— Кто это говорит?

— Просто так, женщина.

— А, Рая! Я тебя не узнала. Что хорошего? Где ты, с кем?

— Нет, это не Рая. Вы меня не знаете.

— Так что же вам нужно?

— Ничего. Просто я хотела вас поздравить и спросить, как вы себя чувствуете в этот вечер.

— Благодарю, — сухо бросила телефонистка и тут же добавила: — Не занимайте, пожалуйста, линию! Новый год еще не начался, а вы уже, видать, успели...

Гамида-хала рассмеялась и положила трубку.

Девушка ушла с экрана телевизора. Передача кончилась. По бакинскому времени уже наступил новый год. Гамиде-хала стало чуточку грустно, что девушка с экрана исчезла. Теперь она была совсем одна. Вскоре позвонил Рустам, поздравил мать. Чуть позже позвонил Тофик, за ним Гюляра — поздравила, спросила о сыне, Дилара не звонила — в школе трудно добираться до телефона.

Гамида-хала включила приемник, но легкая музыка пришлась ей не по душе. Она очень любила слушать Бюль-Бюля, и у них были отличные магнитофонные записи его песен, Гамида-хала включила магнитофон.

«Почему к концу жизни человеку остаются одни эти аппараты? — подумала она, но сразу отогнала грустную мысль. — Нет, я не права. Мне остались не одни аппараты. У меня чудные дети. И все меня любят». И вдруг ей пришла в голову странная мысль. Ей захотелось услышать голос Газанфара. Она пыталась прогнать эту мысль, но не могла. Дело в том, что Газанфар как-то записал свой голос на магнитофонную ленту. После его

смерти никто в доме не решался прослушать запись. И вот теперь ее неудержимо потянуло сделать это.

Не в силах совладать с собой, Гамида-хала достала из ящичка заветную ленту и вставила ее в аппарат.

Послышались смех, возгласы, она различила свой голос и голоса детей. Потом наступила внезапная тишина и мягкий голос Газанфара произнес:

— Слушай, Гамида...

У Гамиды-хала перехватило дыхание, и по спине поползли мурашки. Как будто Газанфар разговаривал с ней из другого мира.

— ...Я не поэт и не философ. Я обыкновенный рабочий. Правда, у меня есть какое-то имя, и если соберутся пять человек, то хотя бы один из них наверняка меня знает. Но повторяю, я самый обыкновенный человек и не собираюсь мудрствовать и философствовать. Но у меня есть жизненный опыт. Я, как говорится, повидал и лицо и изнанку жизни и хочу тебе кое-что сказать... Придет день, и меня не станет...

В репродукторе магнитофона раздался звенящий от негодования голос Гамиды-хала:

— Хватит! Ради бога, не продолжай! Без тебя нам и дня жизни не нужно.

Какими естественными были тогда эти слова; тогда они казались неопровержимой правдой.

Послышался смех Газанфара.

— Ну хорошо, женушка! Пусть это будет лет через сорок-пятьдесят... придет день, и я уйду...

— Газанфар!..

— Не перебивай! Дай мне произнести мою литературную речь. — Газанфар вновь засмеялся. — И тогда я оставлю тебе единственный клад — наших детей. Конечно, если смерть не поспешит, я сам воспитаю их. Но если... Тогда это сделаешь ты. Не обязательно, чтобы они у нас стали врачами, инженерами, учеными. И пусть будут кем захотят, лишь бы они были людьми, хорошими людьми.

И еще, Гамида, наступит день, все они вырастут и, как птицы, улетят из родного гнезда. Не называй их отрезанными ломтями. Помни, куда бы они ни ушли, в какую бы среду, в какую бы семью ни попали, они унесут с собой что-то твое и мое, точно так же, как мы, встретившись, принесли каждый что-то от своих отцов и матерей.

Скажешь — философствует Газанфар? Но это истинно так: ничто в жизни не кончается, не пропадает, никто не умирает. То, что начинается один, продолжает другой. От одного поколения к другому переходит и хорошее и плохое. Мы с тобой, Гамида, мне кажется, прожили и еще проживем

хорошую жизнь. Своими руками добывали свой хлеб. Пусть все то доброе, что было в нашей жизни, и дети наши возьмут в свою новую жизнь...

Так... Конец ленты... Правда, можно было послушать снова. Но сколько бы ни слушала Гамида-хала, Газанфар не скажет ничего больше. Но это уже не печалило Гамиду-хала. Она взглянула на стол и не стала ничего убирать. Прилегла рядом с Вагифом, осторожно погладила его черные как смоль волосы, коснулась губами теплого лба...

*Январь 1960, Баку
Перевод Гр. Грекина*

Я, ТЫ, ОН И ТЕЛЕФОН

Рассказ

Номера телефонов
Не похожи один на другой,
Но во всех — человеческий голос...
Дни плохие,
Не похожи один на другой:
Сам однажды не отвечаешь,
И однажды молчит телефон...

Вагиф Векилов

Вчера умер твой телефон. Умирают не только люди. Умирают номера телефонов. Забудешь в своей жизни много цифр: номер паспорта, зарплату на последней работе, номер автомобиля друга, численность населения своего города, расстояние до Луны, но не забудешь эти пять цифр, которые именно в такой последовательности, именно в этом сочетании были для тебя самым ценным подарком с ее голосом и запахом фиалок в трубке.

Иногда я поднимал трубку черного телефона, как крышку рояля. Иногда клал трубку, как закрывают крышку гроба.

И вот его нет, этого номера. То есть он существует, но теперь это для меня недоступная территория, и расстояние к этим пяти цифрам на диске, которые у меня под рукой, непреодолимое расстояние в мили, километ-

ры — нет, целые парсеки. Могут набрать четыре пятых этого расстояния, но никогда не наберу последнюю цифру, потому что твой номер — это закрытая черная дверь, ключ от которой потерян.

Мне не надо было тебя видеть. Я звонил тебе, слышал твой голос и говорил: «Какие у тебя холодные пальцы, милая, почему?» И ты мне отвечала почему.

Я мог не видеть тебя, но я чувствовал тебя на расстоянии, как жители побережья чувствуют море, даже если не видят его.

И вдруг моря не стало.

Самая банальная история: я, ты, и... конечно же, он. Но еще и телефон. А все началось со свадьбы Расима.

— Нас было пятеро, — продолжал свой тост Фируз. — В общем, как в фильме, помните: «Их было пятеро»? Я, Кямал, Мурад, Расим и Сеймур. Мы, как крепости, пали один за другим. Вот полюбуйтесь: наши жены. — Все расхохотались. — А дома еще и чада. Так вот, сегодня мы теряем Расима. Конечно, я шучу. Я желаю вам всего наилучшего, дорогие Расим и Фарид, Счастья, радости, сыновей и дочерей. Но за нас мы уже пили и еще будем пить. Теперь же мне хочется поднять бокал за последнего из могокан, за нашего милого Сеймура. Он молодой, холостой наш, неженатый друг наш, светик-солнышко, наше последнее утешение и символ потерянного рая.

Все повернулись ко мне, сквозь смех и звон бокалов я видел лица, сливающиеся в некое общее выражение — улыбающееся, удивленное.

Когда гости начали расходиться и мы все вместе — Фируз, Кямал, Мурад с женами и я один — шли по ночным улицам города, я вдруг почувствовал, как жена Фируза взяла меня под руку.

— Ну, Сеймур, когда на твоей свадьбе будем гулять?

— Не скоро.

— Почему? Или ты принимаешь всерьез слова этого болтуна? — Она ласково прижалась к своему мужу. — Думаешь, что семья — ад?

— Он не может найти достойную девушку, — сказал Фируз.

— В самом деле. Эй, ребята, давайте найдем Сеймуру невесту. Если мы найдем тебе лучшую девушку Баку, ты женишься?

— Непременно, — сказал я. — Только с условием. Вы должны найти ее сейчас же, пока я в несколько приподнятом настроении. А завтра я передумаю.

— Милый мой, — сказал Кямал, — где мы найдем ее в такой час? На улице, что ли? Не думаю, чтобы ты женился на девушке, которая в этот час одиноко прогуливается по улицам.

— То-то и оно-то, — сказал я. — Значит, вопрос отпадает.

— У меня есть предложение: давайте найдем ему невесту по телефону? Вот как раз автомат.

— Прекрасная мысль, — сказал я. — Только у меня нет двухкопеечных.

Сразу же мне предложили дюжину двухкопеечных. Я прошел в будку.

— Говорите номер.

— Да набирай любой, — сказал Фируз. — Вот, например... — Вдруг он осекся. — Э, брат, нет. Это, знаешь ли, ответственность. С тещей не поладишь — всю жизнь меня ругать будешь.

— Ах ты, трусишка, — сказал я. — Вот в этом и все дело. Ответственность. Кямал, говори ты.

— У меня предложение, — сказала жена Фируза, у которой всегда было какое-нибудь предложение. — Чтобы не было индивидуальной ответственности, давайте сделаем так: каждый скажет одну цифру.

— Отлично, — сказал Фируз. Он всегда был в восторге от предложений своей жены. — Два.

Я набрал цифру.

— Девять, — сказала жена Фируза.

— Ноль, — сказал Кямал и повернулся к жене: — Твоя очередь.

— Ну, не знаю, — замылась она. — Ну хорошо: четыре.

— Пять, — сказал Мурад.

И только жена Мурада ничего не успела сказать, так как в трубке уже звучали протяжные гудки, Фируз протянул мне платок:

— На, закрой мембрану. Чтоб голос не узнала. В случае чего — можешь удрать.

Все расхохотались, и я повесил трубку.

— Спит моя невеста.

И мы двинулись дальше.

Все разбрелись по домам, и я почему-то почувствовал себя очень одиноким. Я долго ходил по пустынному бульвару, вглядываясь в темное море и разноцветные буи, и вдруг вспомнил номер, по которому звонил час тому назад. Было два часа ночи. Я вошел в ближайший автомат и, когда вынимал из кармана двухкопеечные, в руке обнаружил платок Фируза. Улыбнувшись, я закрыл им мембрану и набрал номер 2-90-45.

Ждал я недолго. В трубке раздался женский голос, и его даже нельзя было назвать сонным, может быть, только чуть-чуть уставшим и чуточку удивленным.

— Я слушаю.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Кто это?

— Это я. Давайте знакомиться.

Я машинально, как от пощечины, захотел закрыться от резкости, брани; или не вздрогнуть от отбоя, как от двери, которую захлопывают перед твоим носом. И я поразился, когда не последовало ни того ни другого. Голос так же спокойно сказал:

— Вы не думаете, что время несколько позднее для этого?

— Ничуть. Я только что вышел со свадьбы самого близкого друга. Это был мой последний холостой друг, и у меня такое ощущение, что я с его похорон.

— Ну зачем вы так? А вы сами разве не женаты?

— Нет. А вы замужем?

Она засмеялась.

— Не много ли вы хотите узнать в первые же минуты знакомства?

— Вы простите, пожалуйста. Я вовсе не из серии телефонных хулиганов. Просто мне было очень одиноко. И я решил позвонить, чтобы хоть с кем-нибудь поговорить.

— А как вы узнали мой номер?

— Чистая случайность. Ну... я набрал первые пришедшие мне на ум цифры.

— Очаровательно.

— Вы знаете, я немного выпил, и мне очень одиноко.

— Это бывает.

— Не можем ли мы встретиться с вами?

— Вот это уж никак невозможно. Давайте уговоримся с вами так. Сейчас уже поздно. Вы сейчас пойдете и ляжете спать. А завтра проснетесь, и все будет хорошо. Вот увидите.

— Но я хочу видеть вас. Или хотя бы говорить с вами.

— Вы теперь знаете мой телефон. Или вы забыли его? Так вот, если у вас в трезвом виде появится такое же желание, можете позвонить мне.

— Правда?

— Правда. Ну, спокойной ночи.

— Я завтра же вам позвоню.

И хоть это было предельно глупо, но, когда я шел по пустынным ночным улицам, мне казалось, что у меня уже кто-то есть.

На следующий день я, естественно, не позвонил. Весь день я мотался и уже забыл обо всем. Несколько дней спустя на обсуждении плана работ я сцепился с заведующим нашей лабораторией, который к тому же был и моим научным руководителем.

После обсуждения Фируз увел меня к себе домой. Мы с ним работали в одном институте. По дороге он учил меня уму-разуму, говорил, что не надо лезть на рожон, если даже я прав, есть много форм выражения и отстаивания правды, и восстанавливать против себя всех — явно не самая удачная из них.

— Есть такое понятие, как эвфемизм, — говорил он. — Можно сказать человеку, что он, видимо, введен в заблуждение, и ту же мысль можно выразить так: ты отпетый дурак, что ты смыслишь в этой работе? Так вот...

— Так вот, мне надоели твои обтекаемости, — сказал я.

— Ну хорошо, я вижу, сейчас с тобой бессмысленно говорить, пошли ко мне чай пить.

— Ты знаешь, — говорила мне жена Фируза, в то время как в другой комнате он облекался в синюю пижаму и мягкие пуховые домашние тапочки, — просто поразительно, как он сам произносит слова «мам-ма», «пап-па». Никто его не учил... — Она говорила о своем годовалом сыне.

— Да, это удивительно, — сказал Фируз из коридора. — У меня появилась теория, что язык создали дети. Не взрослые в эпоху детства человечества, а именно дети. Это они придумали слова, которыми пользуемся мы, взрослые. Ну посмотри, что за прелесть! У кого ты видел такого мальчика, а, дядя Сеймур?

Я мучительно пытался вспомнить номер: помнил две последние цифры, еще первую — два, и третью — ноль, а вот вторую никак не мог вспомнить.

— Послушай, Семая, ты не помнишь, какую цифру сказала ты в тот вечер?

— В какой вечер?

Пришлось долго объяснять, пришлось выдержать целую лавину острот, предположений, намеков, ухмылок, шуток, и, когда я был уже у порога, уже в пальто, услышал голос Семаи:

— Вспомнила: девять! Это номер моего троллейбуса.

— Алло. Здравствуйте, это я.

— Здравствуйте. Кто это?

— Вы уже забыли. Помните, я вам звонил? Три дня тому назад. Почти в это время.

— Но у вас был другой голос, — сказала она насмешливо. — Или это целый отряд одиноких друзей одного женившегося? Скрашиваете, так сказать, свое одиночество телефонными развлеченьями.

Она умела говорить резко, но, к счастью, я вдруг догадался, в чем дело, и быстро закрыл мембрану платком.

— Клянусь вам, это только я. Наверное, в прошлый раз у меня был очень пьяный голос.

— Нет, вот точно такой, как сейчас. Просто мне показалось сперва, что это другой голос. — Она как-то облегченно засмеялась. — Итак, сегодня вы трезвы?

— Как стеклышко. И тем не менее мне очень хотелось позвонить вам. Я даже записал ваш телефон, на случай, если забуду.

— Хорошо, что вы позвонили, а то мне тоже сегодня грустно. У меня испортился приемник.

— Вы всегда так поздно ложитесь?

— Да, я до поздней ночи слушаю радио. А сегодня вот перегорел предохранитель, и я как без рук, сама не своя, просто места себе на нахожу.

В трубке я слышал (правда, издалека), как кто-то играет на пианино.

— Вы не любите отвечать на вопросы, но простите за нескромность: кто это играет в такое время?

— А-а... — Она засмеялась. — Это не у меня, у соседей. Такая настырная девочка, занимается до поздней ночи. Стены-то тонкие, от ее гамм можно с ума сойти. Когда у меня работает приемник, я хоть ее игру почти не замечаю.

— А что вы слушаете по радио?

— О, я обжила эфир, как свою комнату. Вот здесь ночной концерт... — Я как будто видела, как она сидит у приемника и водит пальцем по шкале. — Здесь какие-то отрывистые мелодии из-за океана. Вот здесь завывание бури, здесь речь на каком-то непонятном языке. А вот здесь шумный вечер: конференсье острит, я не понимаю слов, но все смеются, свистят, аплодируют, и мне становится тоже весело. Вот здесь всегда какая-нибудь интимная передача: мужчина и женщина говорят так тихо, почти полупшепотом, я чувствую, как они прямо дышат в микрофон. Удивительная вещь радио. Как будто со мной в комнате весь ночной мир, ночное небо, полное мелодий, драм, самолетов.

— Самолетов? — переспросил я.

— Слышите? — сказала она, и я понял, что она замолчала, прислушиваясь.

И спустя немного я тоже услышал далекий гул самолета. «Интересно, пролетит ли он и над моим домом? — подумал я. — Интересно, где ее дом находится — в каком районе города?»

— Радио и самолеты чем-то очень близки, — сказала она. — Правда?

— Может быть, тем, что у них общее небо?

— Может быть, — сказала она и опять замолчала.

Теперь в трубке не было гула самолета, лишь однообразно и назойливо звучали гаммы.

— Я все рассказываю, а вы молчите. Вы тоже мне что-нибудь расскажите.

И, чувствуя всю нелепость ситуации и тем не менее будучи не в силах уйти от вдруг появившегося желания, я выложил незнакомому мне человеку все свои неприятности по работе и то, как мне с каждым днем труднее находить общий язык со своим ближайшим другом Фирузом, и то, за что я не люблю своего научного руководителя, и все то, что я сказал ему сегодня на обсуждении, и еще многое другое.

Потом я как-то опомнился и быстро, быть может даже слишком поспешно, распрощался с ней.

Я шел к себе домой и думал о том, что никто не поверит тому, что случилось. И в самом деле — нелепо делиться самыми сокровенными мыслями с человеком, о котором буквально ничего не знаешь. Разве только то, что она по ночам любит слушать радио, а ее соседка до глубокой ночи разучивает гаммы.

Один из персонажей этого рассказа — телефон. И мне хотелось бы набросать несколько штрихов к его образу.

В последнее время я часто думал о телефонах, и они для меня стали каждый на свое лицо. В кабинете руководителя нашей лаборатории стоит черный телефон, и каждый раз, когда я смотрел на него (на телефон, а не на руководителя), я не мог освободиться от ощущения, что его шнур — это бикфордов шнур.

Когда я видел испуганные, вечно беспокойные глаза нашего руководителя, то, как он сидит на своем кресле словно на иголках и вздрагивает от каждого звонка, я чувствовал, что для него этот черный аппарат — это мина, которую поставили в его кабинете на тумбочку. Она может в любую минуту взорваться дурным известием: могут позвонить и сообщить ему, что он снят с работы или что от него ушла жена.

А в канцелярии нашей стоял телефон без диска — с опечатанным диском, — как машина без колес, как письмо без адреса: он был беспомощен и казался мне символом зависимости и бессилия — тебе могут позвонить, но ты не можешь. И этому виду телефонов я противопоставлял телефоны-автоматы, которые олицетворяли, на мой взгляд, идею безнаказанности, безответственности — можешь позвонить и сказать все, что угодно, тебе же не могут позвонить и ответить.

Но никогда я так горько не жалел, что у меня дома нет телефона, и я, как скупой рыцарь, откладывал все попадающиеся мне двухкопеечные в

левый карман пиджака, отнимая их у знакомых, разменивая другие деньги на двухкопеечные во всех магазинах, будках и киосках.

Я звонил ей теперь почти каждую ночь и по какой-то установившейся традиции — в позднее время.

И эти разговоры с их нудным аккомпанементом разучиваемых гамм, с паузами, заполненными гулом самолетов и еле слышным дыханием приемника где-то в фоне, с ее чуть усталым, чуть ироничным голосом уже входили, как привычка и необходимость, в мою жизнь. И я узнавал о ней все больше, хотя все еще ничтожно мало.

Я узнал, что зовут ее Медина, что живет она одна, что у нее карие глаза и туфли 35-го размера. Вот и все, собственно, что я знал о ней.

— Сколько вам лет? — спросил я ее однажды.

— О, я глубокая старушка, у меня внуки и внучки, — сказала она.

И я прекрасно ощутил по ее молодому голосу, что она мистифицирует меня, понял и другое: ей не хочется говорить ни о своем возрасте, ни о своей работе, ни о своем, так сказать, семейном положении. Обо всем этом она не спрашивала и меня, хотя уже знала, что мне 29 лет, что я не женат, живу с мамой и работаю в научном учреждении. Не знала она только моего подлинного имени, так как, включившись в ее игру, я назвал совершенно другое имя — Рустам. А может быть, и ее звали не Мединой

— Когда же мы с вами встретимся?

— А зачем? — сказала она. — Нам и так хорошо. Не знаю, как вы, а в мою жизнь эти звонки внесли что-то очень важное. Мне приятно, что я в какие-то часы жду звонка человека, с которым я могу делиться, потому что я совсем его не знаю, ни разу не видела и даже не могу представить себе, и он тоже может делиться со мной, так как тоже не имеет ни малейшего представления обо мне. Встретимся, разочаруемся друг в друге, и все пройдет. И если даже не разочаруемся, это будет что-то совсем другое, банальное и обычное. Давайте сохраним наши отношения в такой форме. Уверяю вас, это будет гораздо интереснее. Расскажите лучше, как у вас там на работе. Все уладилось?

— Я подал заявление об уходе.

— А куда вы пойдете?

— Еще не знаю, а что вы посоветуете?

Она не ответила, и я услышал гул самолета.

Мы встречали Новый год у Фируза. Пришли и новобрачные Расим и Фарида. Без десяти двенадцать мы сели за стол, виртуозно накрытый

женой Фируза при участии всех других жен. Я пришел позже всех. Было очень холодно, и после снежной и метельной улицы как-то особенно приятно было чувствовать свет и тепло домашнего очага.

Часы пробили двенадцать, мы все начали обниматься, и целоваться, и желать друг другу кучу радостей, а Фируз сказал, что это будет исторический год женитьбы Сеймура. Затем мы выпили еще, и Фируз увел меня в сторону. Мы сидели с ним с бокалами в руках, и он, уже изрядно пьяный, говорил мне одноу тост:

— Я пью за тебя. Чтобы ты всегда был таким прямым, принципиальным, но к тому же еще немного и трезвым реалистом. Я знаю, в душе ты, может, начинаешь презирать меня. Мол, я продался вот за эти деревяшки, — он показал на свою сверкающую мебель в новостаромодном стиле, — или за норку Семаи. Нет, я никогда не скажу слова против своей совести, ты можешь быть уверен. Но надо где-нибудь и уступить, чтобы где-то отстоять. Чтобы удержать свои позиции, надо идти на компромиссы.

— Может, ты и прав. Только для меня эта бухгалтерия слишком сложна.

— Эх, — он махнул рукой, — давай лучше выпьем. Где ты будешь работать с нового года?

— В газете, — сказал я — А наукой буду заниматься, так сказать, в порядке собственной инициативы. Я уже зачислен в штат.

— Ну что же, тебе лучше знать, хотя я совершенно не одобряю.

Он сел к роялю, а его жена спела последнюю новинку нашего радио, и я вдруг вспомнил про гаммы, а затем и про радио.

— Я хочу сказать тост.

Все удивленно повернулись ко мне, все знали, что я никогда не произношу тостов.

— Вот мы здесь все вместе, нас много, и нам всем вместе хорошо. Но давайте подумаем, что сейчас кто-то одинок. Например... стрелочники.

— Кто-кто? — хором переспросили меня.

— Стрелочники, — сказал я с вызовом, — да, стрелочники, которые знают расписание поездов, выходят из своих одиноких избушек в ночь и пургу, чтоб встречать поезда.

— Ты, кажется, уже малость... — сказал Расим, — того, хватил лишнего.

— Да нет, попросту виноват стрелочник, — сказал Фируз, и его жена громко расхохоталась. К ней присоединились и все другие. Фируз посмотрел на меня и сразу встал. — Тише. Он, кажется, вздумал обижаться. Прошу прекратить смех. Итак, за стрелочников.

Все подняли свои бокалы.

— Нет, — сказал я. — Я не за стрелочников хотел выпить. Меня перебили. Я хочу выпить за другого человека и предупреждаю, если кто-нибудь вздумает острить на этот счет, пусть на меня не обижается.

— Ух ты! Вот как? Ну-ну, давай..

— Я хочу выпить за одного человека, за одного одинокого человека, который сидит сейчас у своего приемника. Он знает расписание всех передач всех радиостанций мира и выходит к концертам, как стрелочник к поездам. В его комнате весь мир, и как он одинок со всем миром!

Я залпом осушил свой бокал.

Все выпили молча, недоумевая и теряясь в догадках, а потом опять загалдели совершенно о другом.

Я вышел в коридор, набрал номер и долго-долго ждал. Трубка молчала. «Вот тебе и стрелочник, — подумал я. — Она не теряется. Где-то встречает Новый год. Впрочем, что же здесь удивительного?»

Я звонил еще и еще. Я звонил ей в час ночи и хотел поздравить с Новым годом по московскому времени. Я позвонил еще через час, хотел поздравить ее с пражским Новым годом, еще через час — не знаю уже по какому времени, может быть, по Гринвичу. И только в половине шестого, когда я уже звонил с улицы, из автомата, я услышал ее голос.

— Поздравляю вас с атлантическим Новым годом.

Она, наверное, не поняла, и я не стал объяснять.

— А, это вы? Я только что пришла.

— Знаю. Я звонил вам целую ночь.

— Я была у подружки.

— Это неважно, — сказал я. — В новом году я хочу сделать вам важное признание. Я безумно люблю вас.

— Вот как! — Она засмеялась. — Приятный сюрприз в первые же часы нового года.

— Вы мое сокровище, солнышко, золотко, я не знаю, какие слова надо говорить в таких случаях, но я люблю вас, как никогда никого не любил, я знаю — это нелепо, глупо, я даже не видел вас, но тем не менее это так. Я не мыслю своей жизни без вас.

— Без моего телефона, — сказала она. — Вы знаете, если даже знаешь, что эти слова просто блажь, все равно их приятно слышать.

В первый раз нашему разговору не аккомпанировали гаммы — уже наступало утро, — и, так как я когда-то учился музыке, мне в голову пришло сравнение: хроматическая гамма жизни — чередование белых и черных клавишей, дней и ночей, хороших, светлых дней и плохих, мрачных дней.

— Когда же я увижу вас? Впрочем, вы правы: это прекрасная форма любви — контакты по телефонным проводам. Прекрасная связь.

— Односторонняя, — сказала она. — Я в том смысле, что вы мне можете звонить, я вам нет.

— Да, поэтому я все же должен вас видеть. Скажите, где вы живете? Я сейчас же примчусь к вам.

— Прошу вас, — сказала она, и я почувствовал в ее голосе боль, — не отнимайте у меня эту радость. Если вы будете делать мне такие предложения, которых, поверьте, я слышала уже от очень многих, то мы и с вами перестанем общаться, — и добавила после паузы: — Я к вам очень привязалась. Вы первый человек, которому я говорю эти слова после гибели мужа.

Третьего января я пошел на новую работу. Весь день на новой работе я редактировал большой материал, а к концу секретарь редакции сказал мне, чтобы я отнес рукопись машинистке и чтобы она обязательно отпечатала его к утру. У входа в канцелярию висел большой список телефонов сотрудников редакции. Я как-то машинально просматривал телефоны сотрудников, вдруг вздрогнул, увидев номер, как будто увидел знакомое лицо в незнакомой толпе.

— Кто такая Велизаде? — спросил я у секретаря.

— Это наша машинистка. Вы только что ей дали материал. А что?

Я посмотрел в окно и увидел: машинистка с карими глазами спускалась по лестнице. Тук, тук, тук — стучали ее каблуки; я знал, что у нее туфли 35-го размера.

Это было как в сказке. Случай свел нас в одном учреждении, и она пока не знала об этом. Сейчас, когда она отстукивает на своей машинке огромный материал, она не знает, что я — это я, что ли?..

Я не мог сдержаться: спешил сообщить ей эту новость — звонил из автоматов впервые в эти ранние вечерние часы, но телефон молчал. «Ничего, — подумал я, — позвоню в обычное время, и это тоже будет сюрпризом».

Ночью позвонил ей.

— Здравствуйте. Я звонил вам два часа тому назад.

— Что же в такую рань? Я была у подружки. У меня большая работа, и я работала у нее.

— Какая же такая работа? — как можно более «лукавым» голосом спросил я.

— Да вот — взяла работу на дом. Поручение нашего нового начальника.

— Новый начальник?

— Да, сегодня у нас появился новый заведующий отделом.

— И какой же он? — спросил я, еле скрывая смех.

— Да так, мне он не понравился. Надменный какой-то. Правда, по первому впечатлению трудно судить.

Я обомлел. Этот вариант мне не приходил в голову.

— А чем он вам не понравился?

— Да ерунда, первое впечатление всегда обманчиво. Может, он и хороший. Во всяком случае, держится с таким достоинством! Высокий, статный, лицо красивое, но очень надменное. И такой гонор! Разговаривает таким, знаете, руководящим тоном: «Отпечатайте к утру!»

В первый раз она проговорила о своей профессии. Но я не стал спрашивать — я знал больше того, что она могла рассказать.

— А как у вас дела? Устроились на новую работу куда-нибудь?

У меня и в мыслях не было заводить с ней что-то вроде игры, но в тот момент какой-то внутренний тормоз пришел в движение, и я сказал:

— Нет. Знаете, я передумал: решил остаться на старом месте.

А утром я впервые увидел мою Медину. Я видел ее и вчера, но вчера это лицо было одним из многих — по-своему привлекательное, милое, но ничем особенным не выдающееся, обыкновенное лицо, может быть даже и красивое, но какой-то неяркой, блеклой красотой.

Теперь, перебирая странички отпечатанной на машинке статьи, я украдкой разглядывал Медину, пытаюсь найти гармонию между ее зримой сущностью, такой незнакомой и чуждой для меня, и ее таким близким и родным телефонным «я».

Я был обходителен и чуток с ней, предельно внимателен и любезен, и во мне взяло верх любопытство: отметит ли она эту перемену?

Чтобы узнать это, мне надо было дождаться часа нашего вечернего телефонного свидания.

— Вот, я же говорила вам, по первому впечатлению нельзя судить. Он, оказывается, такой милый, душевный человек. Просто душа.

— Не спешите судить и по второму впечатлению, оно тоже может обмануть.

— Нет, нет, вчера просто я не могла даже разглядеть его глаза. Зато сегодня разглядела.

«И когда она успела, — подумал я. — Ведь она даже не смотрела на меня».

— Они такие чистые, глубокие, умные, — продолжала она.

— Я уже начинаю ревновать вас, — сказал я. Так началась эта игра. Для меня уже были ясны ее правила, хотя она не знала об этом ничего.

Я уже ничего не мог поделать. События вышли из-под моего контроля, как письмо, когда его уже опустил в почтовый ящик.

У этой игры были свои сложности. Дело было не только в том, чтобы она не узнала меня, — в конце концов, в трубке я неизменно пользовался платком. Надо было менять весь свой словарь, выражения, акцент. Надо было менять манеру поведения и, самое сложное, — свою психологию, образ мыслей.

На работе я старался быть совсем другим человеком. Хоть и доброжелательным, но недоступным, в непробиваемой броне. И она говорила мне по телефону обо мне, разбирала меня по косточкам, тонко и точно анализируя каждый мой шаг, каждый жест, каждое выражение лица. Правда, я часто сам провоцировал ее на такие разговоры, но в последнее время все чаще и чаще чувствовал, что моих усилий не требуется, она сама заводила разговор о Сеймуре Халиловиче. Говорила о нем долго и охотно во время нескончаемых ночных телефонных разговоров с Рустамом. А вот о Рустаме с Сеймуром Халиловичем не говорила никогда. И вообще о ее телефонной жизни не знал никто.

И я не знал, радоваться этому или грустить; иногда мне казалось, что она не говорит о Рустаме из-за полного равнодушия, и я грустил; иногда же я думал, что она скрывает свои отношения с ним как что-то глубоко сокровенное, важное и дорогое. Случилась удивительная вещь — какое-то смешение чувств. Будучи Сеймуром Халиловичем, я, представьте, ревновал Медину к ее ночной телефонной жизни. А ночью в телефонном разговоре меня, уже Рустама, раздражали ее бесконечные беседы о Сеймуре.

— Давайте будем с вами на «ты», — сказал я однажды, — ведь мы уже давно знакомы.

— Хорошо. Давай, — услышал я в трубку.

— Будь здорова, спокойной ночи, — сказал я, радуясь как ребенок, что со мной она будет на «ты», а вот с ним на «вы».

И поразился тому, что впервые подумал о себе, о своем другом «я», в третьем лице.

— По-моему, ты уже равнодушна к нему.

— Откуда знаешь? — ответила она лукаво. — Может, он тоже равнодушен ко мне.

Я со злостью бросил трубку. И несколько дней не звонил ей. Мое равнодушие к ней заметила, по-видимому, не только она. И когда мы с ней о чем-то оживленно болтали в коридоре, к нам подошел один из старых сотрудников.

— И не старайся, — сказал он, смеясь, и посмотрел ей в глаза. — Пробовали — не получилось: еще никому не удалось растопить лед сердечка нашей маленькой машинистки.

Мы все трое засмеялись, а потом, когда мы с ним остались вдвоем, он сказал:

— Совершенно непошибаема. Живет монашенкой. Хранит верность погибшему мужу.

И я узнал, что ее муж был летчиком и несколько лет назад погиб в воздухе.

В тот вечер, поздно уходя с работы, я заметил, что она все еще стучит на машинке. У нее были длинные тонкие пальцы, и, когда она писала на машинке, казалось, что она играет на рояле.

Ночью я позвонил ей, и она сказала мне:

— Ты, оказывается, нехороший. Зачем ты бросил трубку? А вот назло тебе сегодня Сеймур Халилович провожал меня домой.

— Как провожал? — изумился я, и в искренности моего изумления можете не сомневаться.

— А вот так. Я засиделась на работе, было поздно, и он вызвался проводить меня. Он истинный рыцарь.

«Скорее истинный дурак», — подумал я. И в самом деле, она засиделась допоздна, а я и не подумал проводить ее.

Но понял и другое. Понял, что она выдает желаемое за действительное и что, если Сеймур проводил бы ее, это не было бы ей неприятно. А может, просто хочет позлить меня в отместку за брошенную трубку, хочет заставить ревновать. Следовательно, она ко мне, «телефонному поклоннику», тоже относится как-то по-особенному? Я терялся в догадках. Но зато, когда она в следующий раз задержалась на работе, я уже знал, как мне поступить.

Мы шли по пустынным улицам города, и я спросил ее:

— А что вы делаете по вечерам, когда не работаете?

— Сажу дома, — просто ответила она.

— Просто так — сидите одна-одинешенька?

— Да, но почему просто так. Читаю, слушаю радио.

Неужели она расскажет про радио все то, что говорила мне по телефону? Но она заговорила совершенно о другом, и я был благодарен ей.

— Вот мое окно, — сказала она, показывая на третий этаж.

Мы стояли у ее дома. Она сняла перчатку.

— Может, у вас в подъезде темно. Я провожу вас наверх.

— Нет, — сказала она.

Но я решил идти до конца.

— А может, вы пригласите меня к себе?

— С удовольствием. Но сейчас уже поздно, — посмотрев на часы, сказала она, и я почувствовал, что она начинает нервничать.

— Поздно? Разве вы ложитесь так рано?

— Да нет... — Она засмеялась.

— Ну раз вы не хотите угостить меня чашечкой кофе, то давайте хотя бы пройдемся еще немного.

Она молча пошла рядом со мной, и мы несколько раз обогнули ее дом. Мне так хотелось побывать у нее, посмотреть эту квартиру с гаммами за стеной, увидеть ее приемник, ночную лампу, мягкое кресло у приемника. И может, пригласи она меня в тот вечер, я открыл бы ей свою двойную игру.

Но, когда мы еще раз подошли к ее двери, она быстро протянула мне руку.

— Ну спасибо, Сеймур Халилович, спокойной ночи.

— Учтите, под лежащий камень и вода не течет, — сказал я.

Она засмеялась, повернулась и ушла.

Я прислушивался к звуку ее каблуков на лестнице и вдруг понял, почему она спешила, нервничала, смотрела на часы: она хотела успеть к телефонному звонку. Она ждала моего звонка.

Через несколько дней, когда наш ответственный секретарь порол на летучке какую-то чушь, я резко перебил его и, попросив слова, разнес в пух и прах. Он мне не ответил, и мне вдруг стало его жалко: столько лет проработал человек в газете, и никто, очевидно, не говорил с ним при сотрудниках в таком тоне.

После летучки мне стало не по себе. Во-первых, просто я был не до конца прав; во-вторых, я вспомнил совет Фируза; и, в-третьих, мне не хотелось бы уйти и с этой работы. Ведь здесь была Медина. И я пошел в кабинет ответственного секретаря.

Когда ночью я звонил Медине, я уже знал, о чем будет разговор.

— Ой, знаешь, Рустам, наш Сеймур прямо молодец. Говорят, он сегодня на летучке так осадил нашего ответсекретаря. Ты знаешь, это просто невероятно, до сих пор никто не мог слова поперек ему сказать. А тут при всем честном народе.

— Знаю я этот тип людей, — сказал я. — Ой, как хорошо мне знаком этот тип. Бушевать на собраниях, говорить смелые речи на людях, а потом небось твой Сеймур пошел к этому самому секретарю и без свидетелей, наедине, попросил прощения.

— Какой ты нехороший, — сказала она грустно. — И почему ты его так не любишь?

— Потому, что ты его любишь, и потому, что я люблю тебя.

— Прекрасно, вот и все мы будем любить друг друга.

— Да, тебе, конечно, смех. Но вся беда в том, что с ним ты видишься, ходишь в кино...

— Откуда ты знаешь, что я с ним хожу в кино?

— Догадываюсь.

Она засмеялась. Эта мысль была ей, видимо, приятна.

— А со мной только телефонное общение.

— Но ведь мы договорились!

— А ты рассказывала ему обо мне?

— Что ты? Я никому об этом никогда не скажу. Это для меня, знаешь, что-то... — Она умолкла, подыскивая слово. — Ну, святое... что ли...

На следующий день мы были с ней в кино. Фильм был про летчиков-испытателей, и Медина очень расстроилась, может быть, это было причиной и того, что в тот вечер она разоткровенничалась и, когда мы возвращались по бульвару, рассказывала мне про мужа, о том, что вся их жизнь прошла в небе. Они познакомились в небе. Она была обыкновенной пассажиркой, он пилотом. Но потом она стала стюардессой, чтобы быть с ним. Они поженились и летали в Москву и обратно и целовались украдкой в багажном отделении. Потом она забеременела и вышла в декретный отпуск. В последний раз она провожала его до трапа. Они простились — поцеловались, и между их губами легло расстояние, и они не знали, что это расстояние станет расстоянием между жизнью и смертью — между вечным небом, откуда он не вернется, и вечной землей, где она напрасно будет его ждать.

Когда самолет пошел на взлет, она по народному обычаю бросила вслед уходящему воду. Наверное, это было впервые в истории авиации, чтобы вслед убегающему по взлетной полосе стремительному лайнеру бросали, как тысячи лет назад, воду. Потом он поднялся в воздух. Потом пошел дождь.

Она остановилась, прислушалась к чему-то, и только много спустя я тоже услышал гул и понял, что она слышит его раньше всех других людей — у нее профессиональный абсолютный слух. Мы смотрели на передвигающиеся разноцветные точки в ночном небе, и она сказала:

— Там его могила. Вдовы ходят на кладбище, я смотрю на небо.

Затем она рассказала мне, что часто ездит на аэродром в ночные часы, просто так стоит в стороне и смотрит на улетающие и прилетающие самолеты. И еще она сказала, что у нее был выкидыш и даже ребенка не осталось ей от мужа.

Я провел рукой по ее лицу, стирая слезинки, и потом как безумный начал ее целовать.

— Нет, нет, нет, не надо, — говорила она, и я чувствовал, как все труднее и труднее ей это говорить.

Я проводил ее и тотчас же позвонил.

Голос был возбужденный и даже веселый, и мне стало обидно за всех романтиков и за всех погибших в небе, на земле, в воде...

— Ты знаешь, — сказал я ей (теперь мы и на работе были с ней на «ты»), — вчера, как только мы расстались, я позвонил тебе, и — представляешь? — твой номер был занят. Я звонил еще и еще. С кем это ты могла говорить в два часа ночи?

Я даже не ожидал такой реакции. Она побледнела и как-то вся встрепенулась, но быстро взяла себя в руки.

— Ты, видимо, не туда попал. В это время я уже спала.

Очевидно, мне никогда не узнать ее подлинного отношения к своему телефонному «я».

— Я тебя вчера видел во сне.

— Странно, как можно видеть во сне человека, которого ты ни разу в жизни не видел.

— Я видел во сне твой голос и твой приемник «Неринга».

— Ну «Неринга» — еще можно понять, а вот как выглядит мой голос во сне, это действительно интересно было бы знать. А какая я, по-твоему? Ты хоть как-то меня представляешь?

— Высокая, пышноволосяя, длинноногая. — Я говорил, стараясь найти контрастные с ее настоящим обликом определения.

— Ты удивительно прозорлив, — сказала она. — Теперь я буду снится тебе каждую ночь.

— Ты, наверное, снишься не только мне.

— Ты опять о том же?

— Нет, знаешь, говорят, царица Мехин Бану каждую ночь снилась ста мужчинам. А каков твой тираж?

— Я существую в единственном экземпляре и только в твоём сне, ты мой добрый гений.

— Спасибо.

— Слушай, добрый мой гений, я хочу посоветоваться с тобой по одному вопросу. Только, умоляю, не выходи из себя, не рви и не мечи и не вешай трубку, пока я не договорю.

Я ждал этого разговора три дня тому назад и три дня терялся в догадках: почему она не заводит об этом речи?

— Итак, слушай. Только спокойно. Ты запасся валидолом?

— Ну не тяни душу.

— Хорошо. Три дня назад Сеймур предложил мне выйти за него замуж. Ну что с тобой, ты не упал в обморок?

— Нет, — сказал я. — И что же ты ему ответила?

— Пока ничего. Вот хочу с тобой посоветоваться. Ты же мой самый-самый лучший друг. Самый дорогой человек.

Удивительная вещь — женская психология. Стоит ей, женщине, увлечься другим, как вы сразу становитесь для нее «самым-самым лучшим и дорогим».

— Не надо, — сказал я. И самое ошеломляющее было то, что я говорил это искренне. — Не выходи ни за кого замуж. Или выходи за меня. Я люблю тебя. Ах, если б можно было бы зарегистрироваться по телефону!

Она смеялась долго и чуть истерично.

— Ну хорошо, будь умным мальчиком. Ты же еще совсем маленький.

— Откуда ты знаешь? Ты же меня не видела.

— Я чувствую по всему: по твоему голосу, по твоему характеру, по твоему отношению ко мне. Умоляю тебя: оставайся таким и не спеши взрослеть.

— Может быть, я старше твоего Сеймура.

— Нет, нет, мой дорогой. Уж в этом ты поверь женской интуиции...

Это смахивало на фарс, но мне было в самом деле очень больно.

— Не надо, Медина. Что буду делать я? Ведь он мне не позволит звонить к тебе в два часа ночи.

— А мы что-нибудь придумаем. Ведь изменять мужу по телефону — это еще не грех. К этому времени у тебя дома будет телефон и я сама буду звонить тебе.

Как мне было объяснить ей, что такого не может быть.

— Пойми меня, — сказала она серьезно и грустно. — Вот вы, мужчины, часто говорите о своем одиночестве, это так смешно, вам никогда не понять, что такое подлинное одиночество, как может быть одинока женщина. Просыпаться ночью и чувствовать, как стены идут на тебя и... В общем, не будем говорить о грустных вещах. Итак, если ты скажешь «нет», я откажусь...

Что я мог ей сказать? Она замолчала, потом я услышал гул самолета и понял, что это и есть ответ. Никогда ни одному из нас: ни мне, Рустаму, ни мне, Сеймуру, — не быть соперниками ее мертвого мужа.

Вечером после работы она впервые пригласила меня к себе. Я знал подъезд и этаж, но ошибся дверью квартиры. Долго звонил в темноте, и никто мне не открывал, потом чиркнул спичкой и увидел записку: «Ключи у соседей». Я вдруг заметил, что слова написаны на нотной бумаге, и сразу понял, куда я стучусь. В памяти всплыли гаммы. Я повернулся и постучал в противоположную дверь.

Приемник «Неринга», мягкое кресло, торшер — все оказалось точно таким, как я представлял себе.

— Сейчас я тебе поймаю отличную музыку, Сеймур, — сказала она. — Вот ты пока слушай, а я сварю кофе.

Потом я ее целовал, обнимал, ласкал и чувствовал, как в ней мучительно и сладостно пробуждается женщина. За стеной уже совсем близко заиграли гаммы, потом вдруг она вырвалась из моих объятий, прислушиваясь к чему-то. Я знал и ждал, что вот через несколько мгновений услышу и я гул самолета. Но никакого самолета не было.

И тогда я понял, к чему она прислушивается. Она прислушивалась к телефону. Это было то самое время, когда звонил Он.

Он — это я.

И хотя я знал, что Он больше никогда не позвонит, я тоже в какой-то миг усомнился в этом, и тоже стал ждать, и мне даже захотелось чуда — чтобы телефон зазвонил.

Телефон молчал.

*Январь 1967, Баку
Перевод автора*

РАССКАЗ ГАРДЕРОБЩИЦЫ

Моя работа какая? Принимаю и сдаю пальто. Ну, в общем, состою при вешалке. А в учреждении народу много. Всех и не упомнишь... Да и когда примечать? С ног собьешься, покуда бегаешь с одеждой взад-вперед. Народу за день всякого перебивает видимо-невидимо, уж чего-чего, а одежду каждого в лицо знаю. А как же! Соображаю, у кого какое: у одного — одно, у другого — другое. У всех разные пальто — и покррой, и мода, как вы теперь ее называете... Я и без номерка не спутаю. За семь лет сколько ее перенячила, разной-то одежды, день-деньской бегаешь с ней в обнимку. Известно, будешь помнить.

Ты вот, может, не поверишь, а знаю, куда чье пальто повесить. Смотрю, к примеру, эти приходят и уходят вместе. Ну, куда их одежду вешать? Рядом и вешаю. Да я не о том хотела...

История тут одна вышла. Ну, по правде, истории-то никакой, просто... Вот то место, видишь, где кожанка та висит? Так на то место года два-три назад всегда вешала, бывало, два пальто. Одно такое желтенькое, беж, помню, очень новое. Да черное, мужское. Поношенное было, рукава истертые... Так вместе и висят у меня весь день. Утром примешь вместе, вечером вместе отдашь.

А то, случалось, не придут, так и пустует номерок. Я думаю, и болели-то они оба враз. Гадать, сынок, не гадала, кто они друг для друга, муж ли с женой или еще кто, но прямо неразлучные!

Помню еще, ходил тот мужчина в белом шарфе, знаешь, такие мужские шерстяные шарфы, в точности как на тебе, сынок, такой же точно. Снимет, этак засунет в карман пальто... А как холодно на дворе либо задождит с утра, всегда в такое непогожее время принимаю шарф с женским пальто...

Подаст сперва ее, желтенькое, повешу под низ, а поверх уж его. Глянешь иной раз, ну чисто живые люди! Обнимает черное-то ее пальтишко, укроет собой. Как от дурного глаза бережет.

Так и было с ними — вместе да вместе.

Придут на работу пораньше либо наоборот — опоздают, а их место всегда ихнее. Бывало, народу найдет, уж такая толкучка, всех раздеть и места не хватает. И хоть не видать моих, все потихоньку оставлю местечко... И сама не знаю, отчего это у меня было... Не решалась! Было тогда у меня на примете еще одно пальто. Тоже мужское, коричневое. Это всегда отдельно висело. Придет, по сторонам не глядит, скинет — и пошел себе. Один ходил. Пришел один и ушел один. Ни приятелей, ни знакомых — никого у него не было. Хорошее было пальто, новое, из дорогого материала. Такое запомнишь! Как-то оборвалась на нем вешалка — взять бы иголку с ниткой, дело-то пустяковое, так нет! Мука мне чистая с ним была. Как ни повесь, все грохнется наземь. Я уж и говорила, и совестила... А на другой день опять как было, по-старому. Дело-то оно пустяковое, да смотря для кого. А этот, видать, иголки сроду не держал в руках... Ну, лопнуло у меня терпение, взяла да и сама пришила...

Так и шло себе время полегоньку. В один прекрасный день... помню, народу много, все торопятся, ко мне очередь от самых дверей. Еле поспеваю. Тоже ведь — надо людей раздеть поскорее, чтоб толкотни не было, да номерки не спутать, беспорядку не допустить. Запыхалась я, прямо-таки ног не чую. Потом гляжу, стало спокойнее. Ну, думаю, слава тебе... Хоть дух перевести. Села в сторонке, и тут — батюшки, никак я в спешке-то моей ошиблась, своих повесила порознь! То, легонькое желтое-то, у меня с коричневым. Эх, непутевая, говорю себе. Пошла посмотрела: может, черное сунула на место этого коричневого? Да вижу — нет, пусто. Один номерок висит.

На следующий день то же. И другие дни...

Потом, вижу, пришел! Этот мой, в черном. Подает пальто... Что ж делать, сынок, повесила я отдельно. Не могла же я на одно место повесить три пальто! А день был нехороший: дождь не дождь — так... малень-

ко моросило. Такое как зарядит с утра, считай на полный день. И намочить не намочит, только скука. У всех пальто сухонькие, чуть, может, рукава влажные. А у моего — ну хоть выжимай! Нитки живой нету.

Что ж, время идет, прошло, этак, с месяц. Все как было. Как с того дня началось. Я уж стала привыкать. Да вот как-то обращается ко мне тот, что в черном. Вокруг, конечно, никого. «Очень, говорит, вас прошу, подайте мне ее пальто, хоть на минутку». И показывает на это самое, желтенькое.

Ты, сынок, знаешь, какой у нас порядок. Кто какой номерок даст, такое пальто и получит. Будь ты мне родной брат, а без номерка не выдам. Про чужое пальто и говорить нечего! А тут словно что сделалось со мной. Смотрю я на него, как он мнетя, и думаю себе, жалею: эх ты, родимый мой, чего же теперь глядеть? Гляди не гляди, ничего не переменится.

Дескать, видно, так тому и быть. Ему-то я этих слов не сказала, а пошла и сняла с вешалки пальто. Ладно, думаю. Он взял, поглядел, поглядел... потом вернул. «Спасибо», — говорит. И ушел. Ну а больше я его не видела.

15 декабря 1959, Баку
Перевод Г. Ковалевича

Анар

Я, ты, он и телефон

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 46 000 экз. Заказ № 0806940.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97



Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.